

МОТИВ ДВОЙНИЧЕСТВА В РОМАНЕ ТИМУРА ПУЛАТОВА «ПЛАВАЮЩАЯ ЕВРАЗИЯ»

Ибрагимова Мохира Муроджон кизи

Магистрантка 2 курса

Ферганского Государственного Университета

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7214447>

В художественном произведении мотив имеет особое место, мотив [от лат. *moveo* — «двигаю»] — термин, перенесенный в литературоведение из музыки, где он обозначает группу из нескольких нот, ритмически оформленную. На рубеже 19–20 вв. понятие «мотив» появляется в трудах русского филолога А. Н. Веселовского, который говорит о нём как о «простейшей повествовательной единице», лежащей в основу сюжета сначала – мифов и сказок, а впоследствии – литературных произведений. Мотив как литературное понятие вывел А.Н. Веселовский в 1906 г. в своей работе «Поэтика сюжетов». Под мотивом он предполагал простейшую формулу, отвечающую на вопросы, которые природа ставит человеку, и закрепляющую особенно яркие впечатления действительности. Мотив определялся Веселовским как простейшая повествовательная единица. Признаками мотива Веселовский считал образность, одночленность, схематичность. Мотивы, по его мнению, нельзя разложить на составные элементы. Комбинация мотивов образует сюжет. Таким образом, первобытное сознание продуцировало мотивы, которые образовывали сюжеты. Мотив – древнейшая, первобытная форма художественного сознания.

«Современная мировая литература в основном вступила в полосу постмодернизма для писателя постмодерниста важен формальный признак литературы. Но если в модернизме основная цель автора – найти смысл в меняющемся мире, то писатели-постмодернисты говорят о бессмысленности происходящего. Они отрицают закономерности и ставят превыше всего случай. Ирония, черный юмор, фрагментарность повествования, смешение жанров – вот основные черты, характерные для литературы постмодернизма. Современный человек изображается надломленным, опустошённым и напуганным картинами катастрофы, апокалипсиса, который предвещают ему писатели-постмодернисты, – говорит Т. Пулатов.

Происледуем феномен Пулатова-футуролога, предсказателя, прорицателя в отважной попытке прочтения одного из интереснейших романов писателя «Плавающая Евразия». Роман это был завершён в 1985

году, была опубликована в широко известном в ту пору журнале «Дружба народов» в 1990 году и была тогда у всех, как говорится, на слуху. Притягивает внимание провидческая убежденность автора в крахе и абсурдности приближающиеся либерализации общественных отношений. На примере московских вольных салонов-квартир и альманаха «Белая медведица», опубликованного на Западе по инициативе расчётливого диссидента Шарапова, одного из действующих лиц романа, убедительно показана жизненная и идеологическая позиция этого предвосхищённого Пулатовым антигероя эпохи. По аналогии с расхожим понятием «полукровка» автор вводит в обиход романа колоритный неологизм – термин «полушовка», характеризующий двуличность, расщеплённость, метания человека между персонифицированными добром и злом. Все главные герои романа изображены в двух ипостасях, в психологическом и портретном раздвоении: так, диссидент Шарапов, ранее высланный на Запад, появляется в городе Шахград в образе и в телесном облике ветхозаветного земской старосты, высмеивающего пророчества его вечного гонителя бродяги Салеха о скором катастрофическом землетрясении. В свою очередь, Салех обитает в телесной оболочке Руслана Давлятова, молодого учёного-сейсмолога, первым заметившего на своей улице глубокую трещину в земле – зловещую предвестницу грядущего стихийного бедствия в миллионном городе Шахград.

Мотив двойничества — это элемент сюжета, связанный с появлением образа двойника. Вся совокупность мотивов, входящих в состав художественного произведения, образует то, что называется сюжетом его. Традицией двойничества мы называем такую тенденцию в художественных произведениях, когда двойничество представлено и на уровне темы, проблемы, мотива, и на уровне феномена. Надо сказать, что мотив двойничества в литературе не нов, двойники присутствуют как фабулообразующие персонажи в творчестве многих писателей такие как: Гогол, Гофман, Диккенс, Бирс, Уэллс, По, Франс, Стивенсон, Шелли, и др, а также в детективной и готической литературе, но один только Пулатов использует этот эффектный приём в своей неповторимой манере философского гротеска: приятель Давлятова врач Мирабов, гуманист по определению, и по призванию, жертвующий жизнью ради спасения жизни больного, в своей раздвоенности, амбивалентности самореализа-

ции, в самые острые авантурные моменты повествования неожиданно перевоплощается в одного из воротил города, директора

института Атеизма – Нахангова, сильного, властного, беспардонного и беспринципного человека, воображающего себя Александром Македонским.

Нахангов – сосед главного героя Давлятова, опекает и направляет по жизненной стезе молодого сейсмолога, который в своём портретном двойственном антагонизме в необходимые сюжетные моменты предстаёт в облики ветхозаветного пророка Салеха, предрекающего миру

страшное землетрясение как кару за грехи людей в современном городе конца XX века. Всесильный Нахангов, покровительствуя Давлятову, призывает того не только раскаяться в пороках своего второго «эго», но и публично изгнать его из себя наподобие экзорциста, отмежеваться от своей амбивалентной двойственности, сделавшись плоским и одномерным человеком. В обмен на покровительство, суля искушаемому всевозможные блага, Нахангов заставляет Давлатова публично отторгнуть от себя беса-искусителя-пророка Салеха, т.е. изгнать из души веру в Вечность в Бога, отказаться от вечных скрижальных религиозных заповедей, что в итоге явится полной победой главного Атеиста города-государства, торжеством и апофеозом мирового Безбожия. Весь миллионный Шахград, живущий ожиданием неминуемой скорой гибели, воплощает в себе это имманентное раздвоение полушовки в динамичных сменах декораций, ремарок, портретов и пейзажей, подстрекается и разжигается самыми невероятными провокационными слухами о том, что среди них, современных, цивилизованных людей, пользующихся всеми благами постиндустриального общества, современными средствами связи, интернетом и цифровыми технологиями, появился ветхозветный провозвестник апокалипсической гибели Салех. Оценив меру сотворённого горожанами добра и зла, взвесив их на прецизионных весах, он должен или отвести от города страшное землетрясение, или выпустить из земных недр на волю разрушительную энергию страшного Суда. Так совпало, что именно в тревожную пору ожидания землетрясения в Шахграде проводится Всеазиатский конгресс сейсмологов. Чтобы развенчать упорно циркулирующий алармистский миф о скорой гибели города, по просьбе председателя градсовета Адамбаева учёные многих стран, в числе которых и нобелевские лауреаты, каждый вечер собирают у экранов телевизоров обескураженных горожан.

Подводя итог, в русской литературе феномен двойничества развился, как и в Европе, в эпоху романтизма. С завершением романтической эпохи

«двойническая» традиция в литературе не умирает, а находит свое продолжение в реализме модернизме и в постмодернизме.

Список литературы:

1. А. Н. Веселовский, Поэтика сюжетов, СПб. 1913).-405с.
2. Пулатов Т. И. Плавающая Евразия. М.: Советский писатель. 1991.-с.-1.